

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

ФРАНЦУЗСКОЕ
НАСЛЕДСТВО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Дорош, Елена.
Д69 **Французское наследство / Елена Дорош.** — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-216038-7

У юной пианистки Яны Шум убивают бабушку, и ее собственная жизнь тоже оказывается под угрозой, когда в доме несчастной старушки преступник не находит того, что искал. Так ради чего он готов убивать снова и снова? Из-за совершенно незнакомой девушки Савва Бехтерев втягивается в очень странную и неприятную историю. Она не имеет к нему никакого отношения, но без Саввы Яна могла бы погибнуть, так и не раскрыв семейный секрет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-216038-7

© Дорош Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

УТРО СО СТАРИКОМ

Они проснулись одновременно. Рано утром. В последнее время такое случалось все чаще.

Всю жизнь Старик не вставал с постели раньше полудня. Он был сибаритом, любил в себе это качество и не собирался менять привычки. Но старость взяла свое, и Старик стал просыпаться чуть ли не с зарей. Злился ужасно и упрямо продолжал лежать до обычного часа. Хотя в какой-то мере раннее пробуждение было полезным, позволяя обдумать текущие дела, вспомнить прошедшие, исполненные и неисполненные, немного размять расслабленные за ночь члены. Особенно ногу.

Через двести лет минута в минуту в своей постели открыл глаза и Он. Тут же вспомнил о Старике и слегка улыбнулся. Он любил наблюдать за Стариком в утренние часы, пока их обоих не затянули в водоворот заботы дня.

Старику всегда клали три подушки, да еще взбивали. Старик ненавидел эту splendeur, потому что считал пышность подушек причиной болей в позвоночнике. Он скидывал их вниз, оставляя одну,

самую плоскую. Бестолковые слуги поднимали подушки с пола и, взбив, снова укладывали в изголовье. *Bande d'idiots!*

Подражая Старику, Он тоже спал на маленькой плоской подушке. После нее боль в спине, нараставшая в течение дня, в самом деле стихала.

Проблемы с позвоночником у них со Стариком носили хронический характер. Без них ни один уже не представлял своей жизни. Разумеется, настоящей причиной, а следовательно, истинной проблемой была увечная нога.

Когда-то Старик сам пустил байку, будто в детстве за ним не уследила разиня-кормилица, по вине которой мальчик упал с комода, вследствие чего на всю жизнь остался хромым. Эту версию уже два столетия пересказывают источники, не давая себе труда выяснить истину. Верят в безнадежную детскую травму и просто не обращают внимания на ростовой портрет родного дяди Старика. По причине вывернутой ступни тот тоже был хром. Генетическая особенность досталась и племяннику, а потом еще несколькими поколениям потомков мужского пола.

Не всем, правда. Ни де Флао, ни Делакура наследственным заболеванием не страдали.

Ну а им со Стариком не то что ходить — даже стоять было сложно, особенно если долго.

В юности Он не раз задумывался, зачем Старику понадобилась незамысловатая историйка про комод. Не хотел, чтобы говорили о его физической неполноценности, называя это уродством? Или пытался вытравить из памяти современников придуманную кем-то *bayette*, будто в ортопедическом башмаке он прячет дьяволово копыто? Недаром его

называли хромым чертом. А может, так он выражал детскую обиду на родителей, сразу после крещения вручивших его кормилице, которая на целых четыре года увезла младенца в грязное поместье на севере Парижа.

Да и после они не особо интересовались судьбой старшего сына. Чего только стоит родительское решение сразу после возвращения из Шале отослать мальчика в колледж Аркур, не дав возможности даже повидаться с ними!

Если так, то Старик был гораздо чувствительнее, чем принято думать.

Впрочем, именно хромота, лишившая юнца подвижности, приучила его к хладнокровному наблюдению и привычке скрывать свои мысли.

Многие вообще считали, что Старик не похож на француза: сдержан, высокомерен, умеет слушать, говорит мало и не очень ясно. Типичный англичанин, одним словом.

Эти черты характера предка Он перенял в полной мере.

Откинув одеяло, Он осмотрел ступню. При современном уровне медицины устранить досадную епци легче легкого, но Он ни за что не решится расстаться с тем, что так безусловно роднит его со Стариком.

Он любил называть предка именно так. Не по имени, не по фамилии, а просто Стариком, что ни в коем случае не являлось амикошонством. Это слово было сродни «мудрецу» или «старцу», произносилось и думалось благоговейно, с оттенком трепета и одновременно осознанием родства, а значит, особой близости.

Он еще немного понаблюдая мысленно, как Старик, кряхтя, тянется к колокольчику, звонит, призывая тех, кто займется его утренним туалетом, и разминает пальцы рук, которые в последнее время стали опухать слишком заметно.

Слуги вносят тазики и кувшины с теплой водой. Они знают: первое, что хозяин делает утром, — промывает нос теплой водой. К этой процедуре его приучила прабабушка, единственный любивший мальчика человек. В усадьбе Шале он провел лучшие годы своей жизни. Наверное, ежедневное *lavage* напоминало о том времени, одновременно, по твердому убеждению Старика, оберегая от всяческой заразы.

Потом общее обтирание влажной губкой, пропитанной душистыми экстрактами, и одевание.

Старик равнодушен к дорогому белью и в одежде по-прежнему щеголь. Чего стоит только — придумка верного камердинера Жозефа Куртиада — знаменитый высокий воротник с белым бантом!

Завершив туалет, Старик придирчиво осматривает себя в зеркале, проводит рукой по немилосердно пордевшим — *c'est la vie* — волосам и направляется в кухню.

Это путешествие он всегда делает до завтрака. Так повелось еще со времен Мари-Антуана Карема, гениального кондитера и личного повара. Они всегда начинали с кухни, ведь то, что будет создано там утром, станет залогом успешного дня. «Лучший помощник дипломата — его повар», — частенько говаривал он.

К тому времени, как в кабинет войдет Доротея, Старик успеет выпить чашку горячего шоколада и начнет разбирать бумаги. Их, как обычно, много.

Да, пора вставать! Старик уже занят делами, а Он до сих пор нежится в постели!

Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

Современные «интеллектуаль» приписывают слоган Остапу Бендеру, который таким манером будил Шуру Балаганова.

Куда мы катимся!

На самом деле эту фразу каждое утро слышал еще Анри де Сен-Симон, знаменитый французский утопист. Но и он не был ее создателем. Умница Плутарх в трактате «К непосвященному властителю» упомянул про персидского царя, слуга которого будил его примерно такими словами.

Однако хватит лирики!

Старик давно углубился в работу.

Последуем за ним!

САВВА БЕХТЕРЕВ — АЛЬТРУИСТ И ФИЛАНТРОП

Ругая себя последними словами, Савва поднялся на седьмой этаж и остановился перед приличной — можно даже сказать, солидной — дверью в квартиру номер тридцать восемь.

Пока доставал ключ, доругивался, вспоминая все идиоматические выражения, какие знал.

Ситуация была дурацкая. Несколько дней назад позвонил Серега Кривошеев и, прерывисто дыша в трубку — слишком прерывисто, даже чересчур, — умолял спасти его от неминуемой гибели. Гибель Кривошееву грозила в случае, если через месяц он не закончит ремонт в квартире одного профессора. Именно от его руки Серега и мог пасть.

Начиналось все неплохо. Бригада — как обычно, набранная из иностранного легиона — принялась за дело и работала четко по графику, но тут возник форс-мажор в виде сломанной ноги любимой тещи, и начальнику пришлось срочно отправиться в Адлер, прихватив домочадцев.

Ну а без пригляда какая ж работа!

Разумеется, уверял Серега, самому Савве делать ничего не придется. Нужен лишь стандартный контроль. Ну, типа пару раз на неделе заехать и посмотреть. Если потребуется, применить меры устрашения. Ничего энергозатратного!

Застигнутый врасплох Бехтерев согласился, тем более что уезжать из Питера в этот период не планировал. Однако по закону бессмертной подлости буквально на следующий день его с головой накрыло делами, которые требовали постоянного присутствия на рабочем месте, и манкировать он был не вправе.

Звонить Кривошееву с просьбой найти замену было глупо — тому явно уже не до этого. Однако приступить к выполнению задания Савва собрался лишь на четвертый день после Серегоного отъезда.

Подъехать прямо к парадной оказалось невозможно из-за преграждающей путь решетки. Найти место для парковки в старом центре, да еще в середине дня, — дело безнадежное по определению, посему пришлось вкрявь и вкось приткнуться за два квартала и чесать потом до пункта назначения почти двадцать минут.

Ко всему прочему оказалось, что окаянная квартира находится на последнем этаже. Лифта, разумеется, не было и в помине.

Это окончательно вывело Савву из себя. До третьего этажа он обзывал себя лишь альтруистом и филантропом, но затем перешел на более крепкие словосочетания.

Однако самое интересное ждало его впереди.

В принципе, нечто похожее он предполагал. В самый разгар рабочего дня на объекте не наблюдалось ни одного человека. Ни единого. Крутом ца-

рила молчаливая разруха, глядя на которую Савва заключил, что рабочие испарились ровно через пять минут после того, как начальник отбыл на юга.

Постояв среди строительного мусора, с тоской глядя на пыльные стекла окон, Савва развернулся, чтобы покинуть юдоль скорби, но не успел.

Он даже не понял ничего. Лишь услышал — не почувствовал, а именно услышал — глухой стук чего-то обо что-то.

Он сидел в танке и не отрываясь смотрел на приборы. Даже сквозь закрытые шлемом уши слышал звук работающей машины и автоматически оценивал, насколько хорошо она себя чувствует. Кривошеев, толкнув в плечо, протянул бутылку с водой. Савва поднес ее к губам и отшатнулся. Вода отвратительно воняла нашатырем.

— Тише, не дергайтесь, пожалуйста, — тонким девчачьим голоском произнес Кривошеев, и Савва от недоумения открыл глаза.

Прямо над ним был белый потолок, а сбоку колыхалось что-то бледное и странное. Скосив глаза, он увидел чью-то физиономию и удивился, что она не похожа на Серегину заросшую щетиной харю.

— Вы как? Живы вообще? — еле слышно спросил неизвестный, нагнувшись к нему.

Он всмотрелся в маленькое, совершенно серое лицо.

— Ты кто? — просипел Савва и, подняв руку, потрогал лоб.

Тот отозвался болью.

Ему что-то ответили, но он расслышал лишь слово «шум» и разозлился.

— Шум? Шум у меня в голове такой, что даже если я тебя сейчас придушу, то воплей твоих не услышу, — прокрипел он и сел.

Изображение несколько секунд было нечетким, но Савва напрягся и сфокусировал взгляд.

Перед ним сидела бледная девица, сжимая в руке пузырек с нашатырным спиртом. Волосы бесцветными сосульками висят по бокам. Глаза в пол-лица и рот скобочкой. Видно, реветь собралась.

— Ты чего тут делаешь? — спросил Савва, прислушиваясь к звону в голове и решая, есть сотрясение или нет.

— А вы чего? — ответила девица и поставила пузырек на пол.

Савва огляделся. Как она вообще сюда попала? Входную дверь он за собой точно закрыл.

— Я не понял, ты кто? — снова попытался вступить в диалог Бехтерев.

— А вы сами-то чего тут делаете?

«Снова-здорово! Так они далеко не уедут», — подумал Савва и попытался встать. Удалось. Он доковылял до окна и прислонился к подоконнику. Классно все же его приложили. А, кстати, кто и чем?

Он уставился на бледную девицу с сомнением. Эта, что ли? С какой стати?

Девица между тем тоже поднялась и отошла к двери.

Савва усмехнулся:

— Не бойся. Солдат ребенка не обидит. Одного не пойму: за что ты меня пандарахнула?

Находясь на безопасном, по ее мнению, расстоянии, девица несколько оправилась от испуга.

— А вы зачем к нам залезли? Обокрасть?
Господи ты боже мой! Так она аборигенка!
Ну спросила бы! Чего сразу по башке колотить!

Савва немедленно включил «вежливого человека»:

— Я пришел сюда по просьбе моего друга Сергея Кривошеева. Проверить, как идут работы на объекте. Он был вынужден срочно уехать, оставил мне инструкции и ключи от квартиры. К сожалению, Сергей забыл предупредить, что в квартире живут. Иначе я сначала позвонил бы.

— А-а-а... — протянула девица, и ее плечи облегченно опустились.

Желая закрепить достигнутое взаимопонимание, Савва снова поинтересовался именем аборигенки.

— Яна Шум, — представилась девица.

Так Шум — это фамилия? А он-то думал...

— Савва Ильич Бехтерев. А можно поинтересоваться, чем вы меня... стукнули?

Яна Шум бросила на него быстрый взгляд и кивнула в сторону сложенных стопкой коробок с обоями, на вершине которых возлежал массивный дубовый подсвечник.

— Объемистый, — прокомментировал Савва.

— И увесистый, — поддержала Яна.

Не зная, смеяться ему или плакать, Савва уселся на пол и затребовал у хозяйки стакан воды. Та стремглав побежала в кухню, принесла бутылку минералки и блистер с таблетками.

— Болеутоляющее выпейте, пожалуйста, — жалобно проблеяла она.

— Не поможет, — сказал Савва и закинул в рот три штуки.

Девушка Шум снова выдохнула и не глядя усе-
лась на заляпанную краской табуретку. Савва хотел
предупредить, но передумал. Маленькая, а все-таки
месть.

Вместо этого, стараясь не прислушиваться
к шуму в ушах, он завел светскую беседу:

— Так вы профессорская дочка?

— С чего вы взяли?

— Серега сказал, что квартира профессора.

— Так и есть, только профессором был де-
душка. Он здесь родился. Папа бизнесмен вооб-
ще-то. Когда мы сюда переехали, купили соседнюю
квартиру. Поэтому получилось много комнат.

— И сколько вас тут живет?

— Трое. Папа планировал, что детей у них с ма-
мой будет много, а родилась я одна.

— Зато аукаться можно. Перекрикиваться. Как
в лесу.

— Можно, но не с кем. У отца бизнес в Ки-
тае. Ему подолгу там жить приходится. Маме его
не бросить. Вот и сейчас они там. Даже не знаю,
когда вернуться.

— А дочку оставили квартиру сторожить? здо-
рово у вас получается, честное слово.

— Да нет. Просто у меня учеба, занятия.

Она спохватилась:

— Простите меня, пожалуйста. Я испугалась
ужасно, поэтому и залепила вам со всей дури.

— Ну почему же с дури? Напротив, поступили
очень правильно. С одного удара отправили вора
в нокаут.

Девушка вскинула глаза и криво улыбнулась:

— Это я с непривычки.

А глаза у нее серо-зеленые. Такие только в Питере встретить можно. Как будто Нева плещется.

— Да чего уж там, с непривычки! Удар поставлен. Видно сразу.

Девушка Яна Шум немного помялась, не зная, считать ли его слова комплиментом, а потом поинтересовалась, что он собирается со всем этим делать. И плавно повела рукой.

— Даже не знаю, если честно. Надо подумать.

Ответ был осторожным, но на самом деле он почти не сомневался, что разгрести весь этот бардак придется. И именно ему.

Девушке Яне Шум предстоит тяжелые денечки.

А уж про него и говорить не стоит.

ТЯЖЕЛЫЕ ДЕНЕЧКИ

Сегодня с самого утра Он злился на Старика. А все из-за мадам Гран! И ему, грешному, нравились очаровательные глупые блондинки.

Эта, правда, была глупа не окончательно и абсолютно. Занималась бизнесом, и даже довольно успешно. Ее булочная находилась в соседнем доме и славилась на всю округу. Когда утром в торговый зал выносили свежую выпечку и хлеб, хозяйка всегда выходила к покупателям, чтобы поприветствовать их и послушать отзывы о своем товаре. Отзывы были лестными, и хозяйка улыбалась, демонстрируя очаровательные ямочки.

Эти ямочки сводили с ума, лишали сна и бесили ужасно!

Он называл ее Булошницей — именно так, с шипящей «ш», — хотя знал, что зовут женщину Натальей Павловной Ласкиной. Звуки ее имени, такие приятные и мягкие, мгновенно приводили в состояние, близкое к возбуждению, по-сему Он старался лишний раз их не произносить.

«Булошница» — звучало уничижительно и даже грубовато, что на короткий миг позволяло испытать чувство легкого презрения, но все же не избавляло от душевного трепета и дрожания потных рук.

Разумеется, все это из-за наследственной слабости. Угораздило же Старика жениться на Катрин! Ведь знал же, что она круглая дура! Когда хлопотал о ее освобождении из тюрьмы, куда во времена Директории она была помещена за связь с эмигрантами, говорил Баррасу:

— Примите во внимание, что она глупа до самой крайней степени вероятия и не в состоянии ничего понимать!

И после этого все равно жениться? Непостижимо!

Конечно, нельзя отрицать, что неприглядную роль в этой истории сыграл Наполеон. Он практически надавил на своего министра после того, как увидел госпожу Гран воочию.

Старик не посмел послушаться? Бред! Он всегда делал лишь то, что считал для себя полезным!

Что тогда? Вожделение? Но Катрин и так была его любовницей! Решил, что лучше не ссориться с Бонапартом? Возможно, только сам сводник вскоре всюду стал рассказывать про Катрин анекдоты, наподобие того, как однажды она перепутала известного египтолога и путешественника Доминика Денона с Робинзоном Крузо.

Разумеется, с Булошницей подобной оказии — так ему казалось — произойти не могло. Ведь она так ловко вела бизнес! С другой стороны, Катрин тоже обладала недюжинной хваткой, когда речь шла о денежных делах: удачно спекулировала

на ценных бумагах, неплохо заработала на контрабандных связях с Россией.

Может, Катрин была вовсе не глупа, просто не получила достойного образования?

Как бы там ни было, Гран принесла в жизнь Старика одни неприятности.

А ведь он всегда говорил, что надо следовать золотому мужскому правилу: никогда не превращаться в игрушку в руках женщин, использовать их для достижения своих целей, но не более.

Валяйтесь у них в ногах, но никогда не будьте в их руках.

И поди ж ты! Дал себя окутить дочери капитана торгового порта Ворле!

Этого Он простить Старика не мог. Поэтому никаких шагов для сближения с Булошницей не предпринимал, довольствуясь теми женщинами, к которым был равнодушен, и по этой причине неприятностей от них можно было не опасаться.

Однажды Старик сказал, что чрезмерная любовь мешает. Это действительно так.

Вот почему вечер Он провел с Лизой, приходившей к нему пару раз в неделю. Девушка была умна, в меру красива и лет на пять-шесть моложе Булошницы. Но главное ее достоинство заключалось в том, что она не вызывала острого до боли душевного трепета, потому не мешала думать о главном.

А главное, особенно в последнее время, занимало мысли все больше. Оно торопило, подстегивало, звало.

Все было готово. Ну или почти все. Надо еще разок перепроверить, и можно приступать.

В этот острый момент Он запретил себе заходить в булочную. По дороге домой, поравнявшись с крыльцом магазинчика, опустил глаза и задерживал дыхание.

Чертов запах свежей выпечки! Ее запах! Ну невозможно же!

Сегодня Он настолько увлекся своим невидением, неслышанием и ненюханием, что налетел на мужика, тащившего в обеих руках по коробке с чем-то тяжелым. Груз не дал бедолаге упасть, хотя толчок был ощутимым. Мужик промычал что-то невразумительное, но вслух ругаться не стал и попер свои коробки дальше.

Ну и черт с ним!

Савва и в самом деле чуть не слетел с тротуара — не ожидал подвоха от мирно и даже не очень быстро идущего навстречу прилично одетого мужчины. То, что тот задумался слишком крепко, понял только по силе удара.

Савва крикнул и перехватил свою ношу. А задумчивый как ни в чем не бывало пошел дальше, впериwв очи в асфальт. Еще и нос зачем-то зажал.

Каких только неадекватов не встретишь на улицах!

Шефская, дружеская или какая угодно помощь Кривошееву продолжалась уже две недели, а конца и края было не видеть. Одно время Савве даже казалось, что он переоценил свои возможности, но отступить было поздно. Во-первых, он уже взялся, а во-вторых, не зря же выбил у управляющего отпуск, что для начальника службы безопасности крупного банка было не так просто. Теперь деваться некуда, надо дожимать. Хотя тема неуместного аль-

труизма и неоправданной филантропии время от времени возникала. Особенно когда приходилось одному выполнять работу, на которую следовало навалиться вдвоем, а то и втроем. Савва ругался, кричал, но делал. Конечно, он попытался вернуть в стойло нанятую Кривошеевым бригаду, но сие оказалось делом бесперспективным. Таджикские хлопцы повывключали свои телефоны и — подозревал Бехтерев — исправно батрачили на другого дядю. Он даже ничего не стал говорить Сергею. Решил, что закончит ремонт сам.

Сто раз уже пожалел о своем глупом энтузиазме, но что поделаешь.

Не звать же на помощь чуть не убившую его маляхольную Яну Шум!

Эта девица и без того действовала на нервы.

Нет, она не лезла ему на глаза и не маячила за спиной. Тихо существовала где-то за двумя или тремя стенками квартиры. Они даже не столкнулись больше ни разу. Черт знает почему, но Савву это злило. Хоть бы воды предложила или чаю там! Он все-таки на нее работает. Должна же хозяйка проявлять заботу о работнике! А эта бродит где-то как привидение и ни слова доброго, ни вопроса заинтересованного. В конце концов, могла бы зайти и проверить, как он тут справляется.

Не зашла. Не проверила.

Зато постоянно включала музыку. Классическую. Причем как-то странно: то заиграет громко, то вдруг оборвется на середине. В классике Савва не разбирался, но, в принципе, был не против. К тому же за стеной звучало что-то очень знакомое, где-то уже слышанное. Савва начинал слушать и даже прони-

кался, но тут противная девица Шум вырубала пластинку. Это нервировало и сбивало с рабочего ритма.

Что у этой Яны за глюки в голове? Зачем заводить патефон, если слушать не собираешься?

Видно, Шум — он и в Африке шум. Что с него взять?

Иной раз он не слышал девицу по несколько дней. Прислушивался, но не улавливал ни малейшего шебуршания.

Что ж ты, Шум, не шумишь?

А потом вдруг снова начинала играть музыка, и он успокаивался. На месте. Живехонькая. Ну и ладненько.

Савва наваливался на работу и забывал обо всем.

Так в поту и в мыле он постепенно двигался к окончанию проклятущего ремонта, в который никогда бы не ввязался, если бы речь не шла о Кривошееве.

В конце концов, не так уж он и мучился.

Серге куда тяжелей было, когда вытаскивал его из подорвавшегося на mine — немецкой, еще с Великой Отечественной войны — танка.

Никто из начальников танкового училища, конечно, не предполагал, что поля под Брянском до сих пор кишат вражескими «подарочками». Учения прошли на ура, а под конец — бах! — и сюрприз.

Вот оператор-наводчик курсант Кривошеев и тащил своего командира, полудохлого и в бессознательке. Мешок с фаршем. Сам, конечно, тоже полужил так, что мама не горюй.

А потом их обоих комиссовали как профнепригодных.

Такие вот дела.